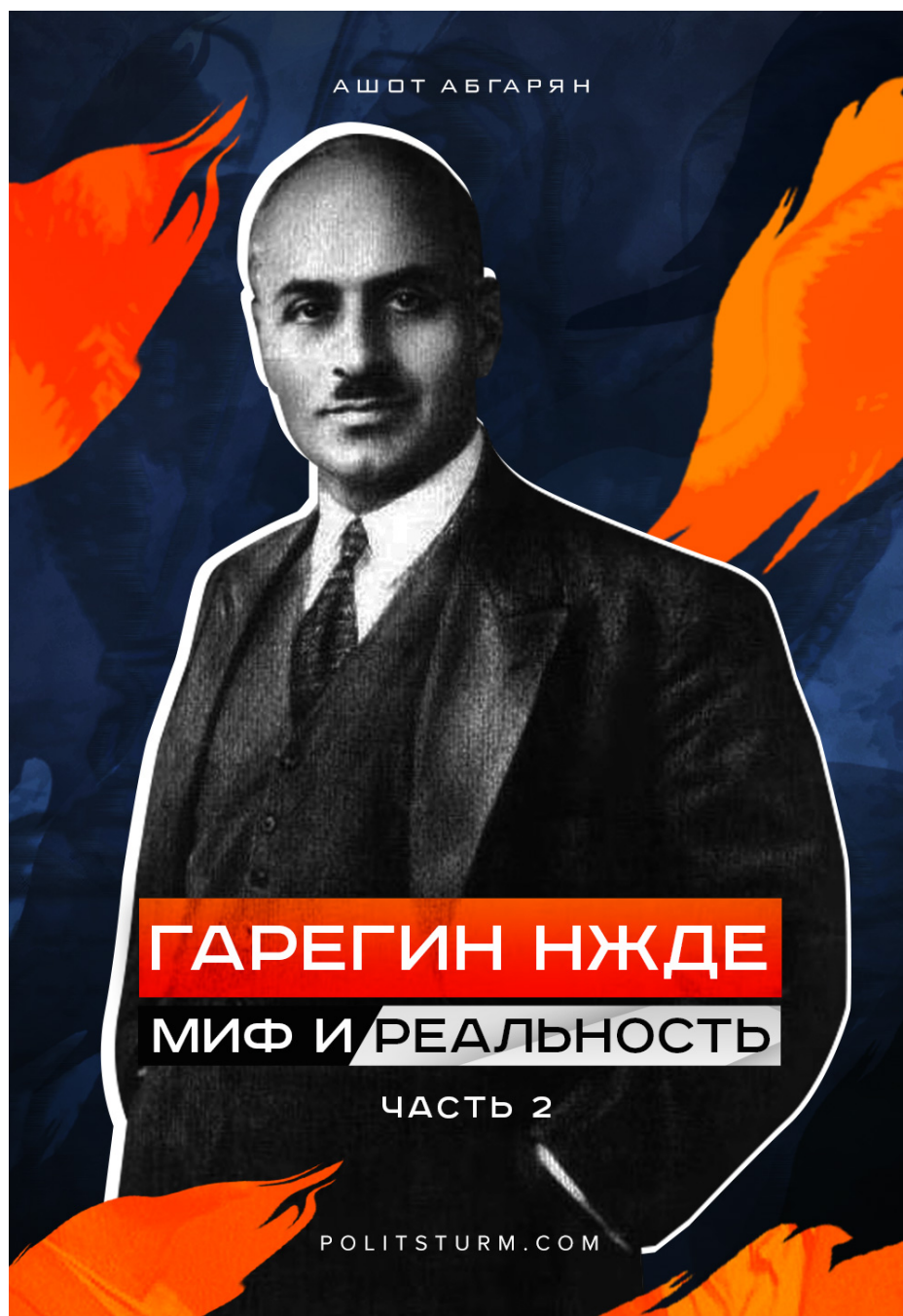

Гарегин Нжде: миф и реальность. Часть 2.

2018-10-09

58 мин. на чтение

Нжде снова говорит о турецкой угрозе, даже о большой вероятности нанесения удара по Армении со стороны Турции, как будто Советская Армения – знаменитый «самостоятельный Сюник», государство из нескольких сёл. А в письме, адресованном Врацяну, даже не исключает опасности нанесения ядерного удара по Армении со стороны Запада, союзника Турции. Холодная война набирала обороты, и в этих условиях настоящая война не казалась невероятной для многих. Но вот возьми и пойми, почему Запад из всей территории СССР именно Армению должен был превратить в мишень для своего ядерного удара, какую тактическую цель должны были осуществить этим ударом США и их союзники? Хорошо, но даже если Запад должен был развязать новую мировую войну, да ещё с использованием ядерного оружия, то что должен был сделать несчастный Врацян совместно с диаспорой, чтобы спасти многострадальную родину?

Может показаться, что Нжде окончательно потерял связь с реальностью, что-то, присущее каждой эгоцентричной и самовозвеличивающей натуре, но до такой ли степени, чтобы в собственных суждениях доходить до полного абсурда? Очень трудно избежать такого впечатления, что Нжде каждый раз, напоминая про «турецкий фактор» для обоснования и оправдания своего того или иного поступка, подразумевает что-то совершенно иное. И на сей раз Нжде прибегает к той же хитроумной увёртке, чтобы объяснить и оправдать свою готовность услужить КГБ СССР. Давайте здесь для начала познакомимся с протоколами допросов Нжде, свидетелей и заключённых по возбуждённому против него уголовному делу, для того чтобы было легче угадать истинные мотивы его поведения.

Протокол первого допроса Нжде, 12 октября 1944 год, следователи – офицеры контрразведки Красной Армии «Смерш» (выписка), номер 1

Следователь:

– Какое положение Вы занимали в партии Дашнакцутюн?

Нжде :

– В партии я занимал видное положение...являясь членом Центрального комитета Дашнакцутюн. Я покинул партию в 1937 году по причине личной антипатии к Рубену Тер-Минасяну, руководителю бюро Дашнакцутюн.

Следователь:

– С кем из немецкой разведки Вы встречались в Берлине?

Нжде:

– У меня был разговор с представителем немецкой разведки, который назвал себя майор Друм.

Следователь:

– О чём с Вами разговаривал майор Друм?

Нжде:

- Друм поинтересовался мной, я сказал, что я генерал дашнакской армии, армянский националист...он меня спросил, чем мы, армяне, можем помочь Германии? Я предложил открыть в Берлине школу для армян, где немцы будут тренировать их, а затем используют по своему усмотрению. Друм ухватился за это предложение и поручил подобрать группу из болгарских армян - примерно тридцать человек - и отправить в Берлин, где их подготовят для диверсионных целей и перебросят в Советскую Армению.

Следователь:

- Что Вы сделали не практике, чтобы выполнить поручение немцев?

Нжде:

- Я написал Айку Асатрян, чтобы он набрал группу армян в Болгарии для отправки в Берлин...группа была собрана - 31 человек. Их отправил в Берлин некто Аствацатрян (Нерсес Аствацатрян, был арестован - А.А.), который имеет скобяной магазин в Софии. Они двумя потоками были оправлены в Берлин...оттуда их переправили в Хохон-Бинде, где была открыта школа.

Следователь:

- Перечислите те лица, что тренировались в Хохон-Бинде.

Нжде:

- В основном в школе была молодёжь, поэтому всех не знаю, узнаю только в лицо. Из них близко знал нескольких - Маркус Маркусян из города Сливен, Григор Бостанджян из Бургаса, Оник Петросян из Сливена, Абро Григорян из Софии, Мартик, фамилии не помню, был из Пловдива. Фамилии остальных не помню, но всех знаю в лицо, там я бывал несколько раз, встречался со всеми.

Следователь:

- Как сложилась дальнейшая судьба слушателей школы?

Нжде:

- Всех слушателей оправили в Крым...дабы оттуда перевезти в Армению для совершения диверсий.

Следователь:

- Почему не осуществилась отправка диверсантов?

Нжде:

- Всё это происходило весной 1943-го, в это время уже началось наступление Красной Армии, так что не могло быть и речи про отставку группы, немцы отступали.

Протокол допроса Нжде (выписка) 17 октября 1944 год, номер 2

Следователь:

- Что скажете о лагере в городе Замберг?

Нжде:

- Это лагерь СС, где было несколько групп, состоящих из различных кавказских национальностей...я узнал, что внутри моей группы, которая готовилась к действиям против Турции, проводится разлагающая работа и эту работу осуществлял завербованный со стороны Дро Седрак Джалалян, их целью было перетянуть группу на свою сторону, чтобы в дальнейшем переправить в тыл Красной Армии. Всем этим Дро занимался ещё с начала войны. Внутри группы произошёл бунт против Джалаляна, члены группы взяли его под арест и конфисковали имевшуюся у него переписку с немецким командованием, в ней Джалалян обвинял меня и Айка Асатряна в работе против немцев и требовал передать Дро руководство группой. Я отбыл в Берлин для сглаживания этого инцидента, получил приглашение от немецкого майора Энгельхаупта посетить гостиницу «Эдем», где остановился Дро. Дро попросил забыть прошлые обиды, объединить наши усилия в пользу Германии и усилить действия армян диаспоры против Советского Союза. Дро сказал, что немцы недовольны нашими разногласиями. Это же подтвердил майор Энгельхаупт. Он добавил, что моя группа будет поделена на три части: одна часть должна быть распущена, как бесполезная, другая часть должна быть отправлена на службу в легионе, а третья часть должна быть передана в распоряжение Дро...

Следователь:

- Продолжайте свои показания о поездке в Берлин.

Нжде:

- Я написал письмо в Софию, Айку Асатряну, с предложением набрать группу в составе 30-ти человек и ему вместе с ними приехать в Берлин. Спустя несколько дней после получения моего письма, во главе с Айком Асатряном в Берлин пожаловала группа молодых армян. Нет, путаю, сперва в Берлин приехали Аик Асатрян, Седрак Джалалян и С. Петросян. А группа, которая была набрана для прохождения подготовки в Берлине, прибыла в два потока. По прибытии группы Джалалян и Петикян поехали в селение Хохен-Бинде, где группа нашла пристанище в лагере. А я и Аик Асатрян остались в Берлине, чтобы заниматься своими делами, связанными с армянским вопросом.

Следователь:

- Представьте имена и фамилии входящих в группу армян, которые прибыли в Берлин для прохождения подготовки.

Нжде:

- В составе этой группы пребывали следующие лица:

- Маркосян Маркус, 25 лет, беженец из Западной Армении, живёт в городе Сливен, по профессии, кажется, сапожник;
- Петросян Оник, 30 лет, турецкий армянин, переселенец, парикмахер, живёт в Сливене;
- Бостанджян Григор, 30 лет, турецкий армянин, имеет книжный магазин, живёт в Бургасе (арестован, - А.А.);
- Петикян Срвасар, 30 лет, турецкий армянин, офицер запаса болгарской армии. Сын владельца ковроткацкого предприятия, живёт в селении Панапорица, что неподалёку от Пловдива;

- Джалалян Седрак, 60 лет, эмигрировал из Советской Армении в 1920-21 годах. Учитель, из города Варна. Сейчас в Берлине, где присоединился к группе Дро;
- Тамазян Арам, 25 лет, турецкий армянин, коммерсант, из Варны, вместе с Джалаляном остался в Берлине, присоединился к группе Дро;
- Григорян Абрам (Абро), 60 лет, турецкий армянин, рабочий, жил в Софии, улица Сафрона. В первые дни по прибытии в Берлин заболел, был перемещён в больницу, однако не знаю, где теперь он может находиться;
- Минасян, имени не знаю, 27 лет, рабочий, турецкий армянин, живёт в Варне;
- Мартик, фамилии не знаю, 50 лет, турецкий армянин переселенец, слесарь, имеет слесарную мастерскую в Пловдиве (арестован, – А.А.);
- Оник, фамилии не знаю, 25-30 лет, турецкий армянин, живёт в Софии, сапожник.

Фамилии остальных не знаю. Их хорошо знает доктор Айк Асатрян, он в Софии, в доме своего свояка, который владеет кофейней. Его адрес можно узнать посредством армянской церкви. Список всей группы прибывшей в Берлин составил доктор Асатрян (нам неизвестно, обратились ли чекисты за помощью в местную церковь в поисках Асатряна, как советует Нжде, но вскоре в Софии был обнаружен и арестован Айк Асатрян – А.А.).

Как выяснилось после ареста Айка Асатряна, он действительно знал группу лучше, так как он составлял список. В своём показании Асатрян вспоминает имена 21-го диверсанта, мы представим только те имена, которые встречаются также в показаниях Нжде, таким образом, взаимно дополняя и подтверждая один другого (все те, кто сомневается в достоверности показаний, пусть попробуют найти аргументы для объяснения идентичности в именах перечисленных Нжде и Асатряном, про это напомним снова). Из Сливена – Маркосян Маркус и Петросян Оник, из Бургаса – Бостанджян Григор, из Софии – Григорян Абро, из Пловдива – Дограмаджян Мартик, из Варны – Минасян Арам и Тахмисян Арам (фамилия последнего в показании Нжде дана как «Тамазян»). Добавим, что Нжде и Айк Асатрян допрашивались в разных тюрьмах, в разное время и разными следователями.

Протокол допроса Нжде () 17 октября 1944 год, номер 3.

Следователь:

– Скажите, что Вам известно о деятельности Дро в пользу германской разведки?

Нжде:

– В первые же дни войны Дро созвал собрание в Бухаресте, здесь он представил программу действий дашнакских организаций в пользу Германии. В частности, про вербовку сил против Советского Союза. На этом сборе была выбрана политическая комиссия, которая состояла из пяти человек: Ваан Папазян, турецкий армянин, сейчас находится в Берлине, Давитханян, советский эмигрант, находится в Берлине, Саргсян Епрем, эмигрант, сейчас находится в Бухаресте, Араратьян Саргис, умер, Канаян Дро. Политический комитет должен был вести переговоры с немецко-фашистским руководством и установить связи с Италией. Комитет руководил также работой по вербовке сил для немецких разведывательных органов. После смерти Араратьяна в Италии исполнительную работу принял на себя Ованес Деведжян. После

поражения фашистской Румынии Деведжян из Бухареста приехал в Болгарию с какой-то политической миссией. В настоящее время живет в Варне, у своей сестры. Деведжян хорошо осведомлён обо всей деятельности Дро и был одним из его самых активных и искренних помощников в деле организации сил против Советского Союза (Деведжян в самом деле приехал в Болгарию, но, должно быть, предчувствуя опасность, снова переходит в Румынию, однако здесь же его арестовывают - А.А.)

Протокол допроса Нжде () 18 октября 1944 год, номер 4

Следователь:

- В предыдущих показаниях Вы сообщили, что в 1943-м в Берлине осуществился конгресс Дашнакцутюн, предоставьте подробности об этом конгрессе.

Нжде:

- В этом конгрессе, насколько мне известно, приняли участие представитель Болгарии Мхитарян Оник, представители греческой организации, которых я не знаю, представитель Болгарии Акобян Арам, Мисакян Шаварш и представители парижской организации. Мне не известно, какие решения приняли на этом конгрессе, но я слышал, что делегаты из Парижа выразили недовольство в связи с прогерманской деятельностью Дро. Однако представители балканских организаций одобрили политику Дро и приняли его решение, оправдывающее деятельность... Чтобы иметь более целостное представление о конгрессах, созданных Дро в Румынии и Берлине, я советую допросить делегатов этих конгрессов - Саргсян Епрема и Деведжян Ованеса. Эти двое могут целиком и полностью предоставить ход конгресса, его программу и принятые решения.

Следователь:

- Продолжайте показания о работе Дро на немецкую разведку.

Нжде:

- Лично мне известно, что находящийся в Бухаресте Саргсян Епрем два раза ездил в Берлин по делам разведки и вербовки. Саргсян является ближайшим другом Дро и осведомлён обо всех его делах в пользу немецкой разведки.

Очень близок с Дро член румынского комитета партии Дашнакцутюн Саргис Саруни, он живёт в Бухаресте.

Начальник штаба Дро...Багдасарян Тигран...Он ездил по оккупированным частям Украины, говорили, что он весьма активно работал на немцев в службе разведки. Где он сейчас, не знаю.

В группе Дро был также старый дашнак-маузерист, некий Арютик, фамилия мне не известна, Арютик вместе с Дро на оккупированных частях Украины и Кавказа активно занимался шпионажем в пользу немцев (маузериста Арютика арестовывают, в 1955-м он был выпущен на свободу - А.А.).

Мне известно, что, находясь на оккупированных территориях Кавказа, Дро нашёл старого дашнака, некоего Минаса... Привёз его, большого, в Берлин. Во время беседы со мной и другими дашнаками Минас высказывал антигерманские настроения, говорил, что, если Германия победит Советский Союз, она принесёт рабство армянскому народу. Минас не верил в победу Германии. Он теперь должен быть в Берлине, а жена его, акушерка, работает

где-то на Кавказе.

Доверенным Дро был высланный из Армении дашнак Арто, во время правления дашнаков был начальником полиции в Аштараке, либо помощником...Он так же занимался шпионажем для немцев на оккупированных территориях. Сейчас Арто должен быть в Бухаресте, там его знают все армяне.

В конце 1941-го с греческим паспортом в Софию прибыл Жан Миансарян, который производил впечатление авантюриста; говоря, что находится в материальной нужде, в Софии и Пловдиве собрал немного денег на дорогу. Дней через 20-ть Миансарян снова объявился в Софии, он сообщил доктору Айку Асатрян, что хочет профинансировать издаваемую им газету «Размик». Об этом я заявил в болгарскую милицию, которая арестовала его. Но потом вмешались немцы и его увезли в Берлин. Где он теперь находится, мне не известно. Добавлю, что член организованной Дро политической комиссии Давитханян ещё задолго до войны был замаскированным шпионом министерства иностранных дел Германии. Его тайное сотрудничество в Берлине было известно многим армянам.

Протокол допроса Нжде (выписка) 19.10.1944 год, номер 5

Следователь:

- Почему Вы поехали в Бердянск?

Нжде:

- Вернувшись из Крыма, я остановился у своего старого знакомого Манучарян Гаспара, чья настоящая фамилия Гаспарян, родом из Нахичевана...был дашнаком. Сейчас он должен быть в Бердянске, где во время оккупации имел столовую, возле рынка...Примерно в начале 1943-го я получил письмо от Гаспарян-Манучаряна. Он известил, что живёт в Бердянске, под фамилией Манучарян. В этом письме Гаспарян писал о том, что Дро работает на Кавказе, писал про его людей, которые посещали его столовую. Мне также известно, что Дро был в Бердянске, где он беседовал с пятью советскими военнопленными, из которых одного я знаю, имя его Гряйр, он из села Мегри, что в зангезурской области Армении. Теперь живёт в Пловдиве и работает в болгарской отечественной фронтовой милиции. Он рассказал мне, что Дро увещевал его и его друзей, что необходимо проводить работу на территориях Зангезура и Карабаха для создания там подпольной группы и проведения подрывной и диверсионной работы против СССР. Однако я не знаю, переправил Дро этих людей в тыл Красной Армии либо же нет? Полагаю, что об этом должен знать Гряйр. Во время моего нахождения в Бердянске, я узнал от Гаспаряна, что на оккупированных частях Кавказа работала группа Дро, состоявшая из нескольких молодых студентов-дашнаков, которые учились в Берлине. В этой группе были: сын доктора Абеяна - Ваче Абеян, зять члена политической комиссии Давитханяна - ирано-подданный Цолак Арутюнян и сын одного берлинского торговца коврами родом из Вана, фамилии которого я не знаю. Остальные студенты из группы Дро мне не знакомы.

Я вспомнил ещё одного ближайшего помощника Дро. Гарегин его имя, старый маузерист, живёт в Бухаресте, занимается торговлей. Он, как и другие, путешествовал с Дро по оккупированным территориям.

И в своих тюремных записях Нжде не щадит «предателя родины» Дро, давайте прочитаем:

«Как только началась советско-германская война, тотчас объявился Дро. Он созвал собрание в Бухаресте. После этого собрания в Болгарию прибыл

ближайший помощник Дро – Ованес Деведжян – для работы в среде армянского населения. Он составлял списки и одновременно распространял пропаганду в пользу немцев. В Румынии создаётся политический комитет, который начал собирать огромные суммы денег для пока ещё не существующего армянского корпуса, командиром которого был назначен Канаян. Закончив эти приготовления, Дро отбыл в Германию, где параллельно с работой на немцев занимался характерным для него мошенничеством... Вместе с несколькими немецкими офицерами он предпринял одно большое грабительское дело – нажил миллионы, собирая золото и серебро. Кроме того, некоторым немецким учреждениям предъявлял фальшивый документ с поддельной подписью французского Центрального Комитета Дашнакцутюн. Узнав о таких тёмных интригах Дро, Араратян поссорился с ним. С целью обуздать Дро, мы вместе с Айком Асатрянном подписали обвинительный акт против Канаяна...угрожая, что сдадим его в общественный суд, если он не вернётся с Восточного фронта. Наше письмо было передано Дро Канаяну. Для поднятия своего престижа у немцев и с подлым умыслом погубить нас и Араратяна, Дро передал наше письмо эсэсовцам. Увлечённый безумным желанием копить богатства, Дро так и остался неисправим».

Протокол допроса арестованного Ованеса Деведжяна (выписка), 28 августа 1947г., номер 6

Следователь:

– Что Вам известно о Нжде – Гарегине Тер-Арутюняне?

Деведжян:

– Гарегин Тер-Арутюнян-Нжде старше 60 лет, уроженец одного из сел Нахичеванской АССР, старый дашнак, во время Балканской войны 1912-1913гг. совместно с известным атаманом Андраником руководил добровольческим отрядом против турок. Во время Первой мировой войны Нжде на Кавказе принял активное участие в деле организации армянских добровольческих отрядов для борьбы против турок. Во время правления дашнаков в Армении был отправлен в Зангезур – для усмирения местных азербайджанцев, а затем для борьбы против Красной Армии, здесь он провозгласил себя спарпетом (главнокомандующим). Тогда в Зангезуре было организовано правительство, в котором Нжде занял пост премьер-министра вооружённых сил и министра иностранных дел. В этом правительстве я был назначен министром просвещения и юстиции. Нжде в Зангезуре допустил зверское убийство коммунистов: заживо сбрасывал их с Татевской скалы в пропасть. Об этом мне стало известно вначале от дашнакского руководства, а затем об этом же говорил мне и сам Нжде, заявляя, что он действовал как государственный деятель, а не как христианин. Этот его поступок стал даже предметом обсуждения партийного суда, собравшегося в Тебризе, и где Нжде обвинялся в убийстве военнослужащего дашнакской армии Асланяна. Партийный суд исключил Нжде из партии. В Тебризе Нжде вел полулегальную жизнь, боясь расправы со стороны обманутых им людей. В 1925г. Нжде был восстановлен в партии... В 1932г. он ездил в США, где, разъезжая по армянским общинам, вел пропаганду в пользу дашнаков, одновременно создавая группы так называемых «Цегакронов», членами которых являлись молодые дашнаки.

Следователь:

– Что Вы понимаете, говоря «Цегакрон»?

Деведжян:

- Под этим следует понимать - преклонение перед расой и сохранением её чистоты, что равносильно нацизму-гитлеризму. Таким образом, Нжде со своим «Цегакроном» пропагандировал фашизм в армянской действительности. В 1936 или 1937гг. Нжде вторично был исключен из партии дашнаков за раскольническую работу. В период Второй мировой войны Нжде стал активно сотрудничать с немцами. Нжде неоднократно выступал с пропагандистскими речами перед военнопленными армянами, призывая их к вооруженной борьбе против СССР, заявляя: «Кто погибает за Германию, тот погибает за Армению».

Следователь:

- Скажите, какое количество людей было убито путем сбрасывания их с Татевских скал в пропасть?

Деведжян:

- Точное количество убитых мне не известно, эсер Хондкарян Аршам во время беседы со мной в Тавризе возмущался действиями Нжде и сказал: «Этот негодяй не пожалел даже женщин».

Символ цехакронизма — Таронский орёл

Протокол допроса Нжде (выписка) 2 сентября 1947г., номер 7

Следователь:

- В своем ультиматуме от 27-го сентября Вы писали: «Турок и русских я уничтожаю с таким наслаждением, каким уничтожаю в бою и вне боя». Говорили: «Отношение мое к русскому человеку было более гуманным, ибо я не мог терпеть, чтобы красноармейцу было оказано бесчеловечное отношение». Как видите, документы говорят о Вашем неискреннем поведении на следствии. Следствие требует от Вас искренних показаний об убийствах, совершенных по Вашему приказанию в Зангезуре.

Нжде:

- Психология моих слов - «Турок и русских я уничтожаю с таким наслаждением, с каким уничтожаю в бою и вне боя» - заключается в том, что, желая избежать конфликта с Красной Армией и путем запугивания обескуражить прибывших в Кюрдкенд диверсантов, я предложил им уйти из Кюрдкенда.

Следователь:

- А сколько человек было убито по Вашему приказанию «вне боя»?

Нжде:

- Вне боя по моему приказанию не было убито ни одного человека.

Следователь:

- Расскажите, чем был вызван созыв «Общезангезурского» съезда 25-го декабря 1920г. в Татеве, какие были приняты решения и Ваша роль на этом съезде?

Нжде:

- На этом съезде я роли не играл, а был избран спарлапетом (главнокомандующим). Съезд был созван с целью создать нормальное положение в пределах Зангезура и ждать момента присоединения к Родине - Армении.

Следователь:

- К какой же Армении должен был присоединиться Зангезур?

Нжде:

- К Советской Армении.

Следователь:

- Нет, это не так. Работа съезда была направлена исключительно против советской власти и имела целью усиление борьбы против Красной Армении.

Нжде:

- Вся деятельность автономного правительства после съезда была направлена к тому, чтобы поняли, почему оно против присоединения Зангезура к Азербайджану и что стремится к присоединению к своей родной территории - Советской Армении. Поэтому оно и вело переговоры с правительством Советской Армении.

Следователь:

- Вы это утверждаете?

Нжде:

- Да.

Следователь:

- В таком случае, почему же Вы восстали и вели бои против Красной Армии?

Нжде:

- Восстание дашнаков в 1921г. (18-го февраля) было организовано «Комитетом спасения» Врацяна.

Следователь:

- А разве Вы не были связаны и подчинены «Комитету спасения»?

Нжде:

- Нет, к «Комитету спасения» я не имел никакого отношения.

Протокол допроса свидетеля Арсена Хойлунца (выписка) 16-го сентября 1947г., номер 8

Следователь:

- Скажите, известен ли Вам Нжде-Гарегин Тер-Арутюнян?

Хойлунц:

- Да, Гарегин Нжде мне известен по Зангезуру. Нжде в Зангезуре являлся командующим дашнакскими вооруженными силами Капанского района.

Следователь:

- Расскажите, какие меры были приняты Нжде против революционеров-коммунистов в Зангезуре?

Хойлунц:

- 27-го мая 1920г. подпольной коммунистической организацией села Хндзореск было поднято восстание против дашнаков. Оно было подавлено вооруженными силами под руководством Нжде и Дро. По приказу Нжде были расстреляны активные его участники - Иттибарян Искандар и Карагозян Макич.

Следователь:

- Откуда Вам стало известно об этом, и кто может подтвердить?

Хойлунц:

- Я сам являлся активным участником этого восстания и был захвачен в плен. В день расстрела я находился под арестом в здании рядом со школой. Через окно я видел, как Иттибаряна и Карагозяна вывели из того помещения, где я

был заперт. Я помню, что Нжде подошел к солдатам, что-то сказал и после того расстрел был приведен в исполнение. Для того чтобы никто из жителей села не ушел и видел расстрел, они немедленно были окружены вооруженными солдатами. Этот факт могут подтвердить: Джанунц Аваг, Мартиросян Сергей, Асатрян Матевос.

В декабре 1920г. и январе 1921г. в Хндзореске по приказу Нжде были расстреляны шесть коммунистов-армян: Балоян Ованес, Мартирос (фамилию не помню), женщина по имени Соня и другие. Эти шесть коммунистов похоронены во дворе сельской школы. В начале 1921г. в Капане под руководством Нжде были расстреляны: председатель Зангезурского уездного комитета компартии Сайри и руководитель партийной организации Капанского района Баграт Арутюнян и другие видные коммунисты. Эти факты могут подтвердить: Манучарян Герасим, Петросян Макич.

Следователь:

- Что Вам известно о зверских убийствах в Татеве, осуществленных Нжде?

Хойлунц:

- В конце 1920г. и начале 1921г. по приказу Нжде были расстреляны или сброшены живыми в пропасть более 400 красноармейцев-русских, крестьян и рабочих армян. После установления советской власти в Зангезуре, я был назначен секретарем райкома партии Татевского участка. Под моим руководством трупы убитых в Татеве были подобраны в ложбинах и похоронены. Приблизительно было 400 трупов. Татевские события могут подтвердить: Хуршудян Асатур, Караперян Согомон, Паронян Асатур, Гарибян Рубен и другие.

Следователь:

- Что еще можете добавить?

Хойлунц:

- Все факты о злодеяниях Нжде, которые мне известны, я изложил. Должен заявить, что население Зангезура, как крестьяне, так и рабочие, знают Нжде как палача армянского народа.

Протокол допроса свидетеля Авага Джанунца (выписка) 17 сентября 1947г., номер 9

Следователь:

- Расскажите, что Вам известно об антисоветской деятельности Нжде в Зангезуре?

Джанунц:

- 28-го мая 1920г. в селе Хндзореск и близлежащих селах началось восстание против власти дашнаков, которое было подавлено Нжде; в результате часть восставших, в том числе и я, скрылись в лесах, часть была арестована Нжде. Руководитель восстания Иттибарян Искандар и отец коммуниста Макича были расстреляны лично Нжде.

Следователь:

- Кто может подтвердить факт расстрела Иттибаряна и отца Карагозяна?

Джанунц:

- Хойлунц Арсен и Асатурян Матевос, в день расстрела Хойлунц и Асатрян находились в селе Хндзореск. 6-го января 1921г. по приказанию Нжде публично были расстреляны Ованесян Степан, Тарян Сона и Тевунц Татевос...Но наиболее страшным злодеянием Нжде было то, что по его приказу были брошены в татевское ущелье 263 русских красноармейца, из которых часть были сброшены в ущелье живыми, а остальные после расстрела. Это могут подтвердить: Товмасын Арутюн, Хуршудян Асатур, Хуршудян Аршак. В декабре 1920г. в Капане, на рудниках, по приказанию Нжде были утоплены в глубоких ямах, заполненных водой, много революционеров армян и красногвардейцев. Этот факт лично мною был проверен, когда я был начальником милиции Капана, это могут подтвердить: Мартиросян Арташес и Мартиросян Мартик. В ноябре 1920г. в Горисе Нжде захватил в плен секретаря Горисского горкома компартии Сейли, который учился вместе с Нжде.

После полуторамесячного тюремного заключения Нжде приказал своему помощнику Герасиму Атаджаняну расстрелять Сейли. Этот факт могут подтвердить упомянутые выше Мартиросян Арташес и Мартиросян Мартик. Сейли был мною найден в подвале здания, где он был расстрелян.

Протокол допроса Нжде (выписка) 18 сентября 1947г., номер 10

Следователь:

- Знаете ли Вы Сейли?

Нжде:

- Да, я Сейли знаю с Тифлиса, когда мы совместно в 1911г. редактировали литературный альманах «Патани» (Юноша). По неизвестным мне причинам он оказался в Зангезуре. В Горис я вошел после отхода советских частей. При обходе тюрьмы, где находились арестованные советской властью лица, в их числе я увидел Сейли. Он мне рассказал о причине своего ареста. По его словам, он должен был вести подпольную работу против меня и, будучи близким мне человеком, отказался от этого, за что и был арестован. Я освободил Сейли, и после этого он жил в Капане, где дислоцировался мой штаб. Зимой 1920г. Сейли был убит, по одной версии, убийство было совершено дашнакским военным министром Тер-Минасяном Рубеном, по другой - местными жителями, якобы при попытке бегства.

Следователь:

- Вы говорите неправду. Узнав, что Сейли является коммунистом, Вы его и расстреляли.

Нжде:

- Я настаиваю на своем показании.

Следователь:

- Если он оказался выступать против Вас, т.е. дашнаков, зачем было Тер-Минасяну убивать его?

Нжде:

- Потому, что Тер-Минасян был злобно настроен по отношению к коммунистам...причём он и против меня был, так как я приютил Сейли.

Следователь:

- Вам предъявляется показание свидетеля Джанунца Авага о том, что Вы захватили в плен...Сейли и после полуторамесячного заключения приказали своему помощнику Герасиму Атаджаняну расстрелять его, что и было выполнено.

Нжде:

- Я отрицаю это.

Следователь:

- Вам предъявляется показание свидетеля Хойлунца Арсена о том, что в Горисе Вами был расстрелян коммунист Сейли. Вы опять будете отрицать, что убийство Сейли было совершено по Вашему приказанию?

Нжде:

- Да, отрицаю.

Следователь:

- Следствие предлагает Вам давать правдивые показания.

Нжде:

- Я настаиваю на своем показании.

Протокол допроса Нжде (выписка) 19 сентября 1947г., номер 11

Следователь:

- Следствие располагает данными, что по Вашему приказанию в конце 1920 и начале 1921гг. были сброшены в татевское ущелье сотни людей - коммунистов и красноармейцев, что Вы скажете об этом?

Нжде:

- Из Татевского монастыря в ущелье были сброшены только два человека, привезенные «Комитетом спасения» Врацяна, по приказу которого и было совершено это убийство.

Следователь:

- Предъявляется Вам показание Хойлунца: «...по приказу Нжде были расстреляны или сброшены живьем в ущелье более 400 русских красноармейцев, коммунистов, крестьян и рабочих армян...»

Нжде:

- Я отрицаю это.

Следователь:

- Предъявляется Вам показание свидетеля Джанунца Авага: «...по приказанию Нжде были брошены в татевское ущелье 263 русских красноармейца, из которых часть была сброшена живыми, а остальные после расстрела». Вы опять отрицаете это?

Нжде:

- Да, отрицаю, показания свидетелей Хойлунца и Джанунца считаю неправильными. Однако считаю, что, возможно, свидетели Хойлунц и Джанунц имеют в виду тех 200 турок из отряда Завал паши, которых советская власть использовала против нас и которых расстреляли и сбросили в ущелье.

Следователь:

- То были не турки, а коммунисты и красноармейцы. Следствие еще раз требует правдивого ответа.

Нжде:

- Я настаиваю, что убитые были турки, одетые в красноармейскую форму, и, возможно, свидетели Хойлунц и Джанунц, исходя из этого, полагали, что они – русские и армяне.

Протокол допроса свидетеля Пароняна Асатура (выписка) 22 сентября 1947г. номер 12

Следователь:

- Расскажите, где Вы находились в период с 1920-1921гг.?

Паронян:

- В составе бригады Красной Армии я служил в Нагорном Карабахе, был взят в плен дашнакскими военными силами под командованием хмбапета (атамана) Тевана. Это произошло в ноябре или декабре 1920-го. Меня и еще 7 красноармейцев-русских доставили в Горис, где мы просидели в тюрьме 4,5 месяца, а потом нас увезли в Татевский монастырь.

Следователь:

- Что Вам известно об убийствах красноармейцев и коммунистов в Татеве?

Паронян:

- Со мной в тюрьме сидело 23 человека, из которых 7 красноармейцев русских. Из них 15 было расстреляно, сброшено в ущелье, а 8 человек, в том числе и я, – освобождены. Из расстрелянных я помню имена: Алехсана из Сисиана, Костанда из Шинуайра, Ивана Маркаряна из села Карашен.

Следователь:

- По чьему приказанию они были расстреляны?

Паронян:

- Непосредственно расстрелами руководил хмбапет Курд Ефрем, а приказы о расстрелах исходили от Спарапета, т.е. Нжде.

Следователь:

- Еще какие факты расстрелов в Татеве Вам известны?

Паронян:

- Отступая из Еревана, дашнаки привезли в Татев арестованных коммунистов - около 500 человек. Их должны были расстрелять, но это приказание Нжде было отменено Рубен пашой (Рубен Тер-Минасян - А.А.). Из 500 человек было расстреляно около 40 человек.

Следователь:

- Сколько всего человек было убито в Татеве в 1921г.?

Паронян:

- По распоряжению Спарапета Нжде в Татеве было убито около 400 человек коммунистов и красноармейцев.

Следователь:

- Может быть, среди них были и турки?

Паронян:

- Нет, среди убитых не было ни одного турка.

Представленные документы, вроде бы, не оставляют места для сомнений в истинных целях предложения Нжде своих услуг КГБ. Сделав предлог о борьбе против Турции своим единственным и постоянным мотивом, Нжде в действительности преследовал очень простую и по-человечески понятную цель - остаться в живых. Но цепляться за жизнь любой ценой - кажется, не совсем подходит надуманному образу «рыцаря», как его понимал Нжде. Стоит жить, чтобы теперь уже стать марионеткой КГБ? На этот вопрос, как мы видели, Нжде имел свой традиционный и спасительный ответ: да, это стоит того, если живешь ради борьбы против турок. А на деле: как он будет бороться, каким образом, какими силами и средствами, вместе с кем, - вот на эти вопросы он не даёт ответа. Немцы такой борьбы ему не обещали, такой борьбы ему не обещала и советская власть.

Для Нжде неважно, поверят ему или нет, для него важно иметь какой-нибудь «убедительный» аргумент, почему он бесчестную жизнь предпочёл почётной смерти, когда ещё там - в Софии, до ареста, мог умереть как настоящий рыцарь, как пропагандируемый им «цегакрон» и «мученик идеи», чтобы не вышло так, как он писал незадолго до ареста: «семикратный подлец тот, кто при любых обстоятельствах жизнь предпочитает смерти». Вот что, значит, это сказано для других, это не для него? Ну, конечно, ведь он же «исключительный», да ведь у него же ещё есть работа, ведь Турция пока не уничтожена, вот потому он и решил всё-таки «жизнь предпочесть смерти»...

Вот его письмо министру государственной безопасности Армении Кримяну (выписка):

«Армянин может и не быть большевиком, но не может не быть с Советским Союзом, если он истинный и политически зрелый патриот. Армянин всей душой и мыслью обязательно должен быть просоветским, ибо в послевоенном мире имеется одна значительная сила, которая из государственных и гуманных побуждений заинтересована в воссоединении части наших территорий в

Турецкой Армении с Советской Арменией. Эта единственная сила – Советский Союз... Вот почему я считаю англо-американофильство равноценным туркофильству и предательству Родины – Армении...»

Для пропаганды в пользу Советского Союза среди армянской диаспоры Нжде, снова давая силу воображению, даже предлагает освободить его и отправить за границу:

«В эти ответственные дни я должен быть на свободе, чтобы потрясти ум, совесть и сознание зарубежных армян, чтобы удержать их от сознательного и бессознательного отречения от Родины. Гражданин министр! Время работает не в пользу мира, чем позже, тем трудней будет решить те задачи, о которых я говорил вашим соответствующим органам. С другой стороны, мое здоровье, требующее серьезного лечения, с каждым днем ухудшается. Исходя из этого, прошу Вас ускорить решение моего вопроса...».

Не больше, не меньше.

Неужели, взявшей Берлин, сильной и победоносной Красной Армии нужен был сомнительный «военный гений» Нжде, даже если бы создалась реальная возможность войны с Турцией? Какое он мог бы принимать участие во всём этом, кем он был, или что он мог сделать? Неужели победившей половину мира Красной Армии осталось возложить все свои надежды на «опустившего крылья хуступского орла»? Неужели у неё не было другого полководца, что она должна была бы позорить и дискредитировать себя на весь мир, обращаясь за помощью к арестанту, обвиняемому в прислужничестве гитлеровцам? Неужели гордящийся славной победой советский солдат захотел бы идти в бой с кем-то таким, кого-то подобного видеть рядом с собой, и как ему это можно было бы объяснить? Давайте задумаемся, если бы Советы имели связанные с ним более или менее серьёзные «геополитические» программы, то зачем тогда его держали в тюрьме, неужели кого-нибудь столь «исключительного» изнурили бы в тюрьме, если бы пожелали использовать его «огромный авторитет и непревзойдённую мысль»? Нет, конечно, так что не будем обманывать самих себя. Не так ли, что этот человек, которому на момент ареста было 60 лет, на протяжении 25-ти лет не участвовал в какой-либо боевой или специальной операции? В этом случае он должен был находиться в каком-нибудь подходящем военно-разведывательном центре, должен был проходить специальные курсы и подготовку, соприкоснуться и познакомиться с новой ситуацией, с новыми условиями и в свою очередь свой «огромный антитурецкий опыт и богатые знания» должен был передать новым «друзьям».

В действительности советская госбезопасность видела перед собой пугливого и безвольного врага, который самое большее мог быть ржавой разменной монетой в предполагаемой шпионской игре с Дашнакцутюн, всего лишь «пропагандистской наживкой», – тщеславный фанфарон и ничего более. Чекисты, как было сказано, этого не скрывали и никаких причин скрывать не имели. Они действовали открыто и понятно, видя, что их себялюбивый и очарованный собой «партнёр» не столь уж хочет умирать, а с такими легко работать.

Неужели Нжде не понимал столь простых вещей? Понимал, ещё как понимал. Однажды в камере Нжде на короткое время чуть-чуть приподнимает маску «наивного рыцаря» и открывает своё сердце перед Деведжяном: «...Видимо, эти псы не заинтересованы судьбой армянского народа, а только тем, как бы использовать моё имя, для того чтобы пропихнуть своих людей в партию Дашнакцутюн и взорвать её изнутри». Точно, а ещё точнее, желание КГБ было в том, чтобы его сторона захватила Дашнакцутюн, нейтрализовала её (партии) антисоветскую пропаганду. А что, «эти псы» когда-либо обещали что-то ещё,

«эти псы» были виноваты, что напуганному смертью «патриоту-рыцарю» нужен был предлог для спасения своей шкуры, что он для прикрытия своего позорного падения на пустом месте приписал себе какую-то смехотворную мифическую миссию, в некоем несуществующем «антитурецком фронте»?

Так что, Нжде отлично понимал, что он всего лишь дешёвый сыр для мышеловки, понимал и соглашался с этой ролью. Чтобы поднять себе цену, он мучился, унижался, раболепствовал, непрестанно заискивал, раскрывался, говорил, писал, рассказывал, сообщал даже больше, чем от него ожидали, только бы избежать расстрела.

Во время первых допросов Нжде держится как школьник-подросток, который совершил проступок и очень боится наказания. Рассказывает все, что ему известно, виноваты все: турки, немцы, Дро, Врацян, Рубен, все, но только не он. Сообщает вещи и даёт имена, которых от него и не требовалось. Чего стоит один только отрывок из допроса №3, где он рассказывает следователю про Деведжяна: «...в данный момент живёт в Варне, у своей сестры»; или о ком-то ещё: «...живёт в Бухаресте, занимается коммерцией»; или «...имеет слесарную мастерскую в Пловдиве», или «...проживает в Софии, сапожник», или «...сейчас должен быть в Бердянске, имел столовую, возле рынка»; или в допросе №1: «некто Аствацатрян, владелец магазина скобяных изделий в Софии...Фамилий остальных не помню, но всех знаю в лицо, там я бывал несколько раз, встречался со всеми»; или в допросе №4: «был из доверенных людей Дро...дашнав Арто, во время правления дашнаков был начальником полиции в Аштараке или помощником...Он тоже занимался шпионажем в пользу немцев...Арто сейчас должен быть в Бухаресте, там его знают все армяне»; либо более красноречиво в допросе №2: «...фамилий остальных не знаю. Их хорошо знает доктор Айк Асатрян, он живёт в Софии, в доме свояка, который владеет кофейней. Его адрес можно узнать с помощью армянской церкви». Разумеется, таких подробностей и тем более советов – кого, каким образом найти, где и с чьей помощью – от него даже и не ожидали. Само собой понятно, что он мог и не знать, где нашёл убежище тот или иной человек, тем более в то смутное время.

Спустя три месяца после этого показания Нжде, был обнаружен и арестован его единомышленник и близкий друг Айк Асатрян, а Деведжян бежит из Софии, где, как осведомил следователя Нжде, он нашёл пристанище в доме сестры, но и его нашли. Столь щедрая искренность с чекистами, согласитесь, весьма похожа на то, что обычно называют «донос»... Так пасть... Это, ясно, не была обязательная линия поведения, которую, пусть с большим усилием, можно попробовать понять: ну, человек ведь оказался в когтях чекистов, наверное, пытали, истязали – не выдержал. Так бывало, в застенках КГБ так многие «сломались», и они были достойны искреннего сострадания. Но тут другое дело, Нжде не подвергался пыткам, даже больше, пользовался великодушным дружелюбием чекистов.

Конечно, эта доброжелательность была не бесплатной, она имела свою цену, и Нжде должен был платить за это, он занимался торговлей с КГБ, и ему платили его «заслуженные» 30-ть сребреников. Мы увидели, что во всех тех случаях, когда приближается опасность, когда речь заходит об обвинении лично его в тяжких преступлениях, об убийствах, совершённых по его приказу в Зангезуре, Нжде настойчиво и непреклонно снимает с себя вину: «я отрицаю это», «я настаиваю на своём показании», «да, отрицаю». Но в части всех доносов, говоря о других, – Нжде охотно выступает с инициативой, хочет показаться «доброжелателем», хочет показать, что он ещё пригодится чекистам, что он готов сказать больше, чем от него требуют, что он может иметь значение для них, что его можно использовать вместо того, чтобы расстрелять. Однако в случае «рыцаря-героя», который учит, что «подлец тот, кто любой ценой жизнь предпочитает смерти», – это деградация личности, это

падение на самое дно, это самоотрицание и самоуничтожение, это отступление от прожитой жизни и «беспримерной борьбы», которой он столь любил хвалиться и кичиться до ареста. Да, это беспощадное обвинение, мы это полностью осознаём, по этой причине оно получит дополнительное и подробное разъяснение, это не та проблема, которую можно обойти, проигнорировать, значит: или Нжде – шкурник и трусливый предатель, или всё это «фальсификация» чекистов, мы понимаем также, что многие захотели бы ухватиться за гипотезу «фальсификации», только бы спасти бесхитростную сказку про своего «героя».

Мы уже говорили, что в заключительной части этой истории вернёмся к наблевшему обсуждению «сфальсифицировано-не сфальсифицировано», дабы убедиться, что ничего «не сфальсифицировано», что у чекистов для этого не было причины. Это потом, а теперь продолжим...

Больше всего Нжде пугала глава его зангензурской деятельности. Здесь он уже не был марионеткой, здесь он был хозяин, и всё происходило по его приказу, в том числе – расстрелы. «Рыцарь», сам себя провозгласивший «хуступским орлом», дабы избежать возможной смертной казни, «скромно» преуменьшает «историческое значение своей исключительной личности», готов к любому принижению: да, он был спарпетом (главнокомандующим), но в Общезангензурском собрании, якобы, особой роли не играл. Теперь приведём не очень длинную, но весьма характерную цитату из газеты тех далёких лет: «Будущий историк должен подобно Диогену, взяв фонарь, разворошить историю нашего века, чтобы найти тех идейных деятелей, деяния которых подобны свершениям героев старых сказок...историк найдёт очень мало тех, чьё имя будет достойно увековечивания... Безусловно и несомненно, в их числе будет имя Гарегина Нжде...». Прочтём название этой газеты – «Сюник», напечатана в Горисе, в 1920-ом году. Не удивляйтесь, если однажды «будущий историк, взяв фонарь Диогена» случайно «разворошит и найдёт», что автор этого великолепного дифирамба – сам Нжде. Но давайте продолжим.

Как видно из протокола №5, он в своих ответах подчас доходит до полного бреда. На вопрос, к какой Армении он хотел присоединить Зангезур, перепуганный «герой», чтобы понравиться следователю, отвечает: «к Советской Армении». «Только ради того, чтобы влачить жалкое существование, – не пресмыкайся, не унижайся, не лги! Лгать – значит бранить истину, отречься – значит перестать быть человеком...» – это тоже одна из часто цитируемых «мудрых заповедей» «рыцаря», и снова сказано для других, это тоже не для него, потому что ему «можно» и пресмыкаться, и унижаться, и лгать, но ведь он это делает не просто так, ему необходимо остаться живым, разумеется, «для нации и назло туркам». Ну, после всего этого, «печальный рыцарь» вызывает только отвращение. Ужас перед смертью вверх его в панику, он даже потерял способность логично лгать.

Нет, вы только представьте себе, сначала «по-геройски» объявить Зангезур отделённым от Советской Армении, сражаться против Советской Армении, проливать кровь армян, а потом объяснить, что он это делал ради присоединения к Советской Армении. Следовательно, конечно же, очень хорошо знал, кого допрашивает, знал, что он лжёт. Да и сам Нжде также знал, что он знает. Однако опять-таки неважно, поверят ему или нет, только бы он смог показать, что готов служить, пускай они не верят, но увидят его угодливость, увидят его унижение, увидят его падение, увидят и, быть может, пощадят.

Давайте в связи с этим познакомимся с резолюцией, принятой съездом: «Зангезур всегда стремился и стремится быть неотделимой частью родины – Армянской Республики, но, учитывая последние политические изменения в Армении, что она вынужденно из-за ряда неудачных политических

обстоятельств объявила себя советской, это правопорядок, с которым никогда не сможет примириться наш народ, съезд решил отделиться от этого правопорядка, действовать самостоятельно и жить собственной жизнью» (25.12.1920).

Лейтмотив спасения жизни ещё более ярко и образно выражается именно в письме Сталину, которое, естественно, ему не передают, не считая важным. Напомним, что письмо было написано ещё до оглашения приговора, Нжде пока не мог быть уверен, что его оставят в живых. В этом письме Нжде, кажется, ничего нового не добавляет ко всему тому, что уже сказал и написал. Однако письмо само собой производит впечатление кульминации в трагикомедии от «непонятого рыцаря», умоляющего врага пощадить жизнь, это шедевр душераздирающего покаяния, апофеоз жанра.

Председателю Совета Министров Сталину

(письмо не было отправлено Сталину)

Мое дело направлено в Москву. Я не ожидал двух вещей: во-первых, что после того, как я остался в Софии с целью найти общий язык с советской властью, меня арестуют, во-вторых, что меня привлекут к суду.

Помимо судебных кодексов и выше них имеется неписанный закон рыцарства, в случае игнорирования которого исчезает всякое доверие между людьми и народами. Нельзя, проанализировав психологию сделанного мною рыцарского шага, отказать мне в справедливости. Ибо тот, кто сделал такой шаг, как я, доказывает две вещи:

а) то, что он перестал себя чувствовать противником той власти, которой он доверяет;

б) что власть, которой он доверяет свою жизнь и достоинство, не может не ответить таким же рыцарским жестом на рыцарство.

Я не думаю, что была велика численность людей, которые повели себя так, как я, даже если их было больше одного. Если бы я смотрел на жизнь как на средство получения личного наслаждения, то и я бы уехал из Софии... Однако факт, что я не только не позволил себе враждебных поступков (учитывая при этом мои умения и возможности), но и, наоборот, совершил такие действия, которых мой противник, не будучи в курсе моего душевного состояния, от меня не ожидал. Рискаю своей жизнью, я сделал невозможными начинания предателя родины Дро, направленные против Армении. Я отговорил подготовленных им диверсантов отправиться в Советскую Армению (а одному из них - Грайру из Мегри - я устроил побег в Болгарию, чтобы его не принудили к отправке в Армению). Я не поехал на Восточный фронт, не позволил, чтобы мои ребята, подготовленные для действий против Турции, были использованы на антисоветском фронте. Я больше не появлялся у легионеров и не посещал концентрационных лагерей, тем самым давая понять военнопленным армянам, что не следует бороться за Германию.

А до всего этого, до войны, я делал безуспешные попытки связаться с Вашим дипломатическим представительством. Наконец, я проявлял отрицательное отношение к белогвардейскому «РОВС»-у (Российский Общевоинский Союз), который искал террористов для совершения покушения на Вашу жизнь.

Моя связь с немцами имела антитурецкую основу и то в те дни, когда советско-германская дружба была еще в силе. Относительно моей деятельности в Зангезуре (по поводу чего мне было неоднократно сказано, что в силу политической давности об этом не может быть и речи), я должен

сказать следующее: если бы не турецкий фактор, не было бы и Зангезурского противостояния.

В свое время Советы, исходя из своих государственных интересов, оказали Турции серьезное содействие. Эта протурецкая политика не могла не возмутить тех, кто мыслил так же, как я. Темные и злокозненные происки пантюркистов на линии Анкара-Нахичевань-Баку и появление в том же году турецких батальонов в Зангезуре не могли не создать атмосферы подозрения и недоверия, что и спровоцировало противостояние. Полномочный представитель Красной Армии Геккер в своём официальном письме на мое имя частично проясняет происшедшее: «В Зангезуре взаправду имело место позорное событие, за что мы себя не хвалим». Речь идет о турецком полке.

Гражданин генералиссимус!

Вы отчасти знаете обо мне. Я не хотел бы жить, если бы не чувствовал, что есть еще задачи, ради которых стоит жить. Умереть? Есть ли что легче смерти для старого патриота и революционера? Не презрением ли к смерти объясняется то, что я не выехал из Софии? Меня не интересуют ни жизнь и ни смерть, а лишь последнее в этом мире мое желание: принять участие в гибели феодальной Турции. Поэтому я бы не хотел, чтобы тысячи моих последователей и друзей говорили: «Счастливыцы турки, ибо один из их врагов убивает их другого врага!» Я не хотел бы умереть в Ваших тюрьмах. Зарубежные армяне скажут: «Большевики убили исторического врага Турции». Из моей смерти извлекут пользу Ваши враги. Я не уехал – доверяя Вам и будучи уверенным, что мой рыцарски-патриотический шаг по достоинству будет понят и оценен... Ныне, когда враги Советского Союза покровительствуют огромным антисоветским массам, принесение в жертву одного заклятого врага Турции не может не рассматриваться турками как знак слабости. Позвольте сказать еще одну истину.

Частичная репатриация не разрешит проблем взаимоотношений армянской эмиграции и советской власти. Главное – не репатриация нескольких тысяч армян, а создание среди армянской эмиграции просоветских настроений и использование последних в интересах Советского Союза и Армении. Я не думаю, чтобы нашлось другое лицо, более подходящее, чем я, для выполнения этой патриотической миссии.

Гражданин генералиссимус!

Не покинув Софию, я проявил высокий патриотизм и искреннее желание примириться с Советской властью. Я остался, доверяя Вам. Кто доверяется истинно великому человеку, истинному величию, тот не раскаивается. Верю, что на мое рыцарство, будет отвечено рыцарством.

Г. Тер-Арутюнян-Нжде.

16/10 декабря 1947г. (под документом поставлены две даты).

Ну конечно, неужели он, «патриот и рыцарь», может бояться смерти? Рыцарям не дано такого права! Верно, он не страшится смерти: «Жизнь и смерть меня не интересуют...». И вместе с тем: «...я не хотел бы умереть в Ваших тюрьмах...». Жизнь очень нужна ему, понимаете? У него ещё есть незавершённая борьба, а если его расстреляете, то турки только рады будут этому. Он ещё будет полезен Советам, именно ему, великому человеку – Сталину. Так что, пощадите... Неужели он остался бы в Софии, если бы боялся смерти? Кто, кроме него, способен на такое рыцарство, наверное, только великий Сталин?

Нжде так настойчиво убеждает в своём «благородном пренебрежении» к смерти, с такой доходящей до несерьёзности частотой, что это вызывает очень сильные сомнения в искренности «отважного рыцаря». Где это видано, чтобы презирающий смерть «герой» распространял «извещения» об этом при каждом неподходящем поводе и подчас вовсе без повода? В конце концов, только после получения приговора о лишении свободы тема «презрения к смерти» теряет для него актуальность и объятый ужасом «рыцарь» немного берёт себя в руки.

Мало времени прошло с тех пор, когда Нжде с восхищением писал: «Немецкое племя играет общечеловеческую роль, подобающую её силе и рыцарству. Быть с Германией – боле ясный моральный и гуманный долг, чем политический». Именно поэтому «...погибнуть ради Германии – значит погибнуть ради Армении!» Но наступили иные времена, оказавшийся в тюрьме достопочтенный рыцарь «неожиданно» понял, что теперь быть с Советами стало «ясным моральным и гуманным долгом». Теперь уже «долг каждого армянина быть вместе с Советским Союзом, если он искренний патриот!». Нжде настойчиво заверяет адресата письма: он ничего не имеет против советской власти, да почти и не имел, даже в Зангезуре, там было всего лишь маленькое недоразумение, да и оно – не по его вине. Кстати, в вопросе недоразумения с этим турецким полком, как пишет Нжде, командование Красной Армии искренне признало свою ошибку, это была даже не ошибка, это была глупость, которую большевики, к счастью, больше не повторили. Вот решение Политбюро ЦК ВКП(б) о прекращении передвижения Красной Армии по территории Армении:

30 марта 1920г.

«...Предложить товарищу Чичерину дать рекомендацию о том, чтобы русские военные части отныне не двигались в сторону Армении, в связи с этим, убедить кавказских товарищей быть максимально осторожными, во избежание провокации турецкого нападения».

В дальнейшем полномочный представитель России в Армении Борис Легран делится своими впечатлениями об этих событиях с министром иностранных дел России Чичериным, представим один отрывок из его радиogramмы:

«...Наша военная политика в Азербайджане продолжает допускать ошибки... На Зангезур были брошены татарские силы, столь же неразумно были отправлены отряды турецких военнопленных, которые разорили сёла. В результате – всеобщее возмущение народа... Беда в том, что наше командование поддается националистическим настроениям Азербайджана, а армия не имеет хорошего состава комиссаров... У нас нет определённой линии по армяно-турецкому вопросу, и мы плетёмся в хвосте событий».

Так или иначе, Нжде продолжает заискивать перед «вождём народов», убеждая, что он, даже будучи на службе у немцев, старался быть полезным красным и лично Сталину. Это только предатель родины Дро до самого конца всецело служил нацистам. «Я сделал невозможными начинания предателя родины Дро, направленные против Армении, – оправдывается в письме Нжде. – Я отговорил подготовленных им диверсантов отправиться в Советскую Армению... Я не позволил, чтобы мои ребята, подготовленные для действий против Турции, были использованы на антисоветском фронте». Он, Нжде, свою жизнь доверил советской власти, великому человеку, истинному величию, Сталину, веря, что на его рыцарство будет отвечено рыцарством.

Вот так. Или это письмо Сталину тоже «подделали»? Известно, что письмо не передали Сталину, а то можно было бы подумать, что Сталин сам его и подделал, ведь кто другой мог осмелиться подделать письмо, адресованное

вождю? В одном вопросе, возможно, Нжде не лжёт или почти не лжёт, когда говорит, что вернул назад группу диверсантов, узнав, что их хотят отправить в Армению.

Снова обратимся к показаниям Айка Асатряна.

Следователь:

– Скажите, как должна была действовать группа диверсантов против Советского Союза?

Асатрян:

– Я узнал от генерала Нжде, что эту группу немцы должны были использовать на территории Советской Армении... Именно по этой причине по настойчивому требованию Нжде эта группа, кроме нескольких человек, в декабре 1943-го вернулась в Болгарию.

Как видим, в этом эпизоде Айка Асатрян подтверждает слова Нжде, отметим, что они находились в различных тюрьмах и не имели возможности общаться друг с другом. В любом случае, это было разумное решение... Был конец 1943-го, Сталинград и Курск остудили многие головы, началось победное шествие Красной Армии. Пришло время собирать камни...

После смерти Сталина Нжде жил с оптимистическими настроениями, ожидая досрочного освобождения. Остаться в живых ему уже казалось мало. А подобные настроения были небезосновательными. Смерть Сталина и в особенности казнь Берии многих «обитателей» советских тюрем преисполнила надежд о досрочном освобождении. Для «новых» правителей государства, конечно, было важно отделиться от «ошибок и искажений социалистической законности», совершенных «старым» режимом, чтобы показать, что со всем этим они якобы не связаны, виновник – «враг народа» Берия и его ставленники. По всей стране началось жестокое побоище «старых кадров», сотни высокопоставленных работников госбезопасности были приговорены к лишению свободы, а некоторые подверглись казни: министр госбезопасности СССР в 1946-1951г.г. Виктор Абакумов был расстрелян, первый заместитель министра госбезопасности Богдан Кобулов – расстрелян.

Разумеется, Армения тоже не избежала «охоты на ведьм». Министр госбезопасности Армении Сергей Корхмазян был исключен из рядов партии и приговорён к 10-ти годам лишения свободы, Никита Кримиан, который был министром госбезопасности Армении в 1945-47г.г., после убийства Берии был устранён из рядов партии и расстрелян, министр внутренних дел Армении в 1947-1953г.г. Хорен Григорян был расстрелян. Придание Берии образа чудовища было необходимо также и для того, чтобы от него плавно перейти к «осуждению культа личности» Сталина.

Истории про «омерзительные преступления» Берии наводнили советскую прессу (как пример к сказанному, давайте здесь вспомним про глупейшую ложь об убийстве Агаса Ханджяна и католика Хорена до сих пор распространённую среди нас). Надежда на возможность скорого освобождения создала праздничную атмосферу в местах заключения. Каждый день на имя правительства приходили прошения с просьбой о прощении. Эти прошения до путаницы были похожи одно на другое, все рассказывали, как несправедливо с ними обошлись, что следователи «врага народа» Берии при помощи пыток вырывали у них «признания» и «заводили на них дела», что они были незапятнанными и безупречными, как младенец, и чистыми, как слеза ребёнка... Вскоре для многих из них двери тюрьмы были открыты. Конечно, получившие свободу не были «невинными овечками», по крайней мере, не все.

Однако правительственный гуманизм был оправдан, в особенности по отношению к пожилым людям, тем, чьи руки не были запятнаны кровью военных преступлений, кроме того, они давно понесли справедливое наказание. Уже знакомый нам тюремный друг Нжде – Ованес Деведжян, а также Акоб Сируни-Чолоян (с ним мы тоже познакомимся) получили амнистию. Сложившаяся ситуация была обнадеживающей, и Нжде тоже решил испытать удачу. В 1954 году, в феврале месяце, он обратился с просьбой пересмотреть его дело к председателю Президиума Верховного Совета СССР Клименту Ефремовичу Ворошилову.

В этом письме Нжде излагает самые важные главы из своей политической биографии, снова подчёркивая исключительно антитурецкое содержание своей борьбы. «Я был, – пишет Нжде, – единственным армянским политическим деятелем, периодически подвергавшимся нападкам турецкой прессы». Конечно, всегда, везде, во всём он – единственный, исключительный и неповторимый. Так, Нжде вновь и вновь напоминает про решение «по-рыцарски» остаться в Софии: «Я остался в Софии, совершив рыцарско-патриотический шаг...». Затем Нжде объясняет, сколь несправедливо удерживать его в тюрьме, того человека, который свою искреннюю дружбу предложил советской стране. Своё письмо Нжде начинает следующим образом: «Гражданин президент! По отношению ко мне допущено вопиющее беззаконие, не имеющее прецедента в истории судопроизводства народов». Неслыханное, невиданное, не имеющее прецедента, такое только с ним – «рыцарем» – могло произойти, потому что его «судьба особенная», он повсюду, во всём, во все времена, в истории всех народов единственный, неподражаемый, беспрецедентный, исключительный, бесподобный..., однако наш самовлюблённый и эгоистичный герой, как обычно, немного переоценивает всемирно-историческое значение своей личности. Его судьба всё-таки не столь уж необыкновенна, если вспомнить узника острова святой Елены по имени Наполеон.

Вспомним несколько отрывков из писем и автобиографии Нжде как образцы самовосхваления и воскурения самому себе фимиама, доходящие до эгоизма:

«Должен ли я остаться (в Софи – А.А.)? Да, отвечал мне мой внутренний голос патриота... Никаких рыцарских поступков в мире не было бы совершено, если бы не было такого убеждения, что есть люди, которые восхищаются рыцарскими и геройскими подвигами. Совершая своё отважное деяние, герой знает заранее, что даже враги должны его уважать».

Ну, а кто же достоин восхищения и поклонения за свои «рыцарские и геройские подвиги», кажется, нетрудно догадаться.

«...Без Каракилисского сражения не существовало бы ни сегодняшней Армении, ни живущих там армян... Героическое трёхдневное Каракилисское сражение спасло армян Араратской долины от полного уничтожения и явилось основой для армянского государства», вероятно, так оно и есть, но как это произошло, каким чудом повезло армянскому народу, посмотрим. «В конце мая 1918-го я руководил Каракилиским сражением...», – пишет Нжде. Вот что, ну, конечно, потому что там был он – рыцарь, богом избранный, неповторимый и единственный, и ничего, что он свою «героическую роль» немного преувеличивает...

Нжде перечисляет свои подвиги далее.

«С малочисленной силой я поспешил к осаждённому Кохбу и спас армян этого района...».

«Я вёл бои под Аладжой, благодаря этому отступающие армянские воинские части... без потерь дошли до Александрополя...».

«Осенью 1919-го я спас второй армянский полк, который оказался в окружении...».

«Во второй половине 1919-го я перешёл в Сюник, чтобы помочь Гохтану... Область и её население были спасены...».

«Потом я посвятил себя делу защиты и спасения от уничтожения армянского населения Капана и Аревика...».

«Все забыли, что только благодаря моим усилиям избежали судьбы евреев...».

Повсюду он – везде поспевающий герой и рыцарь... он идёт, он побеждает, он спасает!

«История человечества пока ещё не знает такого случая, чтобы человек находился в таком положении, в каком нахожусь я...».

«По отношению ко мне допущено вопиющее беззаконие, не имеющее прецедента в истории судопроизводства народов».

«Верю, что на моё рыцарство будет отвечено рыцарством».

«Я остался в Софии, совершив рыцарско-патриотический шаг...».

«Не покинув Софию я продемонстрировал возвышенный патриотизм... не думаю, что найдутся многие, кто поступил бы так же, как поступил я...».

«Я..., я..., я...», неповторимый, необыкновенный, единственный, исключительный, бесподобный... в истории народов.

Однако снова вернёмся к письму...

Нжде недоволен жестоким обращением следователей, порой даже чрезмерно легкомысленно. Его лишали сна и отдыха, допросы проводили в ночное время и продолжали их до самого рассвета. Не позволяли носить очки, для того чтобы следить, спит он или бодрствует. Забрали тетради, в которых были его философские размышления. Мы уже говорили, что Нжде настойчиво и последовательно отрицал свою связь с убийствами, совершёнными в Зангезуре, продолжая утверждать, что всё это произошло по приказу руководителей Дашнакцутюн. А вот «бериевские клеветники» – следователи – искажали смысл его слов, «показывали один документ, а подписывать давали совершенно другой...».

Каким образом и откуда он это узнал, может, следователи обсуждали с ним свои «подлоги», признавались затем в этом, давали отчёт, мол, смотри, что мы сделали? Неужели документы только «показывали», ведь допрашиваемый их читал и под прочитанным собственноручно подтверждал: «прочитано мной, с моих слов записано верно». Так было в тех случаях, когда целью и задачей было любой ценой вырвать «признание» у допрашиваемого, и для достижения этого заключённый периодически подвергался пыткам, почти до потери сознания, когда для него становилось всё равно, только бы закончился этот кошмар. Такие вещи происходили, конечно, но не в случае с Нжде, которого чекисты никогда даже пальцем не тронули, так как такой необходимости не было, тем более, что Нжде отрицал своё соучастие в зангезурских убийствах и мы видим это «отрицание» в его показаниях. Следовательно, что и почему может быть искажено? Однако Нжде так и не приводит никаких фактов

«искажения смысла его слов» ни в этом письме, ни в других записях, только непрерывно лжёт и лжёт.

Затем Нжде продолжает рассказывать, что следователи основательно подменили всю суть защиты Зангезура и хронологию событий, а его битва была только и только с турками, которые, (это тоже интересно, посмотрим, что он пишет), «... пользуясь отсутствием в Закавказье русских, пробовали осуществить свою мечту о пантюркизме». Ну что, выясняется, что в 1920-1921гг. «было отсутствие русских» в Закавказье, Красная Армия не имеет никакого отношения к советизации Азербайджана, так как «отсутствовала», а его борьба, естественно, не могла быть против «отсутствующей» армии. Это не что иное, как ещё один пример бессмысленного и смешного вранья, однако же кого он обманывал? Вероятно, забыл, что немногим ранее в письме Сталину жаловался на глупую ошибку командующего именно этой «отсутствующей» армии? В те «старые добрые времена», до ареста, там – в безопасной и обеспеченной диаспоре, наш «бесстрашный хуступский рыцарь» все возможные газеты заполнил рядом свои потрясающих статей о своих «подвигах», о том, «Почему я поднял оружие против советских войск», а теперь – «они отсутствовали».

Может быть, и письмо Ворошилову «подделали»? Нет, это уже не КГБ, а всецело творческое объединение, не говорите КГБ, говорите – Парнас.

Далее в письме:

«Следователь угрожал, что: «я достиг желаемого, принято решение отрезать ваш язык, но когда – не скажу, вскоре вы останетесь без языка и живьём сгниёте в тюрьме», за такие слова я назвал его «турком». Все четыре года меня держали под этим страхом, что мой язык могут отрезать... Я попросил провести экспертизу, чтобы разоблачить ложь свидетеля Хойлунца, на что Мелкумян, смеясь, ответил, что «вещественные доказательства давно обратились в землю и пепел».

Вот с таким цинизмом Мелкумян высмеивал ленинские нормы законности. Но самое страшное было то, что они угрожали свести счёты с его родными и близкими. «Я был шокирован произволом, который царил в Ереване», – продолжает наш непоколебимый защитник ленинской законности и рассказывает, что как-то раз он напомнил руководителю КГБ Армении, что «...советская власть в Армении... обусловлена в сознании армянского народа так, что без защиты великого русского народа он не может свободно жить и созидать». А эти бессовестные следователи, выясняется, «нагло попирали принципы ленинской законности...». Вот как, теперь уже он питает добрую зависть к «принципам ленинской законности». Но мы, казалось бы, отныне не должны удивляться умелым метаморфозам «рыцаря».

На свободе, будучи ещё «орлом», он писал:

«Завтра должны оскотиниться и погибнуть те народы, чьи дети сегодня изучают свою историю по Марксу или Ленину, а не по их предкам».

Теперь же он ссылается на «ленинскую законность»... Но ничего, и это поймём, ведь человек четыре года с содроганием сердца ждал, что вот сейчас откроется дверь и в камеру войдёт специалист «по отрезанию языков», ведь как мы узнали, «было принято специальное решение» о нецелесообразности дальнейшего существования его языка для советской власти и «герой рыцарь» ждал четыре года, объятый страхом... Все эти жалобы и недовольство Нжде, как мы видим, были запротоколированы.

Более того, новые руководители и следователи КГБ в связи с жалобами провели проверки в разных звеньях с полной педантичностью. Разумеется, они были бы рады найти всё новые и новые факты, доказывающие реальные или предположительные беззакония и жестокости «бериевских палачей» и победоносно рапортовать об этом новой верхушке. Но, несмотря на все усилия, органы, проверяющие жалобы Нжде, не нашли в его деле каких-либо подлогов, обличающих «бериевских следователей» в противозаконности.

В конце письма, адресованного Ворошилову, Нжде просит дать ему возможность установить письменную связь с его родными, чтобы узнать, живы ли они? Ранее, ещё в «проклятую эпоху» Берии, по просьбе Нжде чекисты привезли письмо и фотографию от его жены, живущей в Болгарии. Это было в 1952 году: Министерство госбезопасности Армении отправило запрос в МВД СССР, с целью получения сведений о жене Нжде – Эпиме Сукиасян и сыне – Сукиасе. На этот запрос отвечают из Первого главного отдела МВД СССР в августе 1952-го года:

«Эпиме Сукиасян проживает в городе Павликене (Болгария), по адресу бульвар Дундукова, 43. Её супруг – Гарегин Нжде – до освобождения Болгарии был фабрикантом золотых изделий, некоторое время занимался также журналистикой. Эпиме Сукиасян рассказывала знакомым, что её супруг был арестован и как она предполагает, был расстрелян. В Павликени Сукиасян проживает как высланная в административном порядке из Софии в связи с арестом супруга. В настоящее время Сукиасян не работает, живёт на деньги от продажи золотых украшений. На её иждивении находится сын – Сукиас Гарегиневич Нжде, год рождения – 1936...».

Из министерства госбезопасности Армении посылается ещё одно письмо:

«...Г.Е. Тер-Арутюнян (Нжде) и О.А. Деведжян обратились к нам с просьбой о получении каких-нибудь сведений об их родных, в частности Тер-Арутюнян (Нжде), состояние здоровья которого в данный момент очень слабое, находится в подавленном моральном состоянии. Принимая во внимание данное обстоятельство, считаем целесообразным, чтобы Тер-Арутюнян и О. Деведжян получили короткие письма, написанные их жёнами собственноручно о состоянии их семей, а также семейные фотографии. Вместе с тем нет причин сообщать им, где находятся Тер-Арутюнян и Деведжян. Сотрудник, который будет отправлен за письмами, в случае вопроса на эту тему может ответить, что ему тоже это неизвестно. Супруга Тер-Арутюнян – Эпиме Сукиасян, проживает в городе Павликене (Болгария), а супруга Деведжяна – Рипсима Деведжян, проживает в Бухаресте, по адресу: улица Василор, номер 8».

Просьбу Нжде, как было сказано, «бериевские кровавые палачи» не проигнорировали, потрудились, известили, для того чтобы немного утешить находящегося в «подавленном моральном состоянии» заключённого, который ещё мог им пригодиться. Сотрудник госбезопасности посещает в Павликене Эпиме Сукиасян и привозит от неё письмо и фотографию для Нжде.

В октябре 1952-го Министерство государственной безопасности Армении получает из Москвы следующий ответ:

«По Вашей просьбе отправляем вам письмо собственноручно написанное Эпиме Сукиасян на имя Нжде».

Вот письмо супруги Нжде:

«Дорогой мой муж! Я очень спокойна, так же и мой сын. Он вырос, ходит в третий класс и успешно учится. О нас абсолютно не думай. Мы чувствуем себя хорошо. Нужды в чем-либо не испытываем. С поцелуями от меня и от твоего сына. 14 октября, 52г.».

Но и после всего этого своенравный и требовательный рыцарь вместо того, чтобы обрадоваться и поблагодарить, вновь остался недоволен – письмо, верно, чрезвычайно лаконично, больше всего похоже на краткий отчёт, чем письмо, но это естественно, бдительный сотрудник госбезопасности не мог позволить большего, не имел права, и наконец давайте вспомним, кем был адресат и в каких условиях он находился. Ну, мы-то помним, а вот наш герой зачастую на самом деле терял чувство реальности, казалось, забывал, где он находится. Отрываясь от реальности, Нжде доходил до того, что требовал «равного партнёрства», «взаимной искренности и рыцарства» от прошедшей через ад войны и ещё не залечившей кровоточащие раны советской страны. Он, казалось, забывал, что в советской тюрьме он всего лишь один из многонациональных и многотысячных нацистских прислужников, которого терпят ровно столько, сколько это необходимо органам госбезопасности.

Таких деятелей было множество, тюрьмы были полны разнообразными «национальными лидерами, героями и рыцарями», прислуживавшими гитлеровцам: русские, украинцы, татары...Нжде не был единственным «неповторимым», которого чекисты посадили себе на голову. Неизлечимая мания величия Нжде, измерявшего собственную роль и значение в истории исключительно во всемирном масштабе, и в этом случае получила курьёзное проявление. Он пишет министру государственной безопасности Армении:

«Из письма моей жены стало очевидно, что ваш человек внушил ей не веру в то, что я жив, а ужас. Ей сообщили, что я жив, и в то же время предупредили, чтобы она никому об этом не говорила. Не значит ли это, что я, по меньшей мере, нахожусь в ужасном положении и что, если даже и жив, то обречен на нечеловеческое существование. Это значит дать понять моему невинному ребенку, что меня третируют и унижают как человека, о существовании которого запрещено говорить. История человечества еще не знает случая, когда бы человек находился в таких условиях, в каких нахожусь я...».

Только он, конечно, исключительный, как всегда, единственный «в истории человечества»...

А вот Деведжяну не повезло, выяснилось, что его жена и две дочери уже покинули Румынию, отправились за океан, в далёкую Аргентину, и по этой причине привести от них письмо было невозможно. Ещё хорошо, что Деведжян не требует от чекистов отправиться в Аргентину, чтобы доставить письмо, не поднимает шума против «неслыханной, невиданной и невообразимой в истории несправедливости». Вероятно, приходит в голову, что лелеять надежду оказаться «в истории человечества» в случае с его незначительной личностью будет смешной легкомысленностью. Ибо судьбы скупое провиденье уже раз и навсегда исполнило его, «несравненного и единственного», не подлежащий пересмотру выбор...

Нжде в письме Ворошилову выражает надежду, что времена и методы Берии уже в прошлом, «...и ныне, когда великим союзом народов руководят истинные ученики Ленина, хочу верить, что голос заживо похороненного патриота достигнет его семьи».

И это «подделали»? Удивительно, что попавшие впросак из-за своего неоспоримого творческого таланта следователи после всего этого не «подделали» заявление от имени Нжде с настойчивой просьбой принять его в ряды ленинской партии.

Затем Нжде просит, учитывая его «исключительную судьбу» и разрушенное здоровье, пересмотреть его дело внеочередным порядком. Правда, он так и не поясняет, в чём именно выражается «исключительность его судьбы», возможно, думая, что это должно быть само собой понятно для Ворошилова?

Словом, скажем только, что советское правительство, по-видимому, было менее впечатлено «исключительной судьбой» Нжде, чем он сам. Его просьба о пересмотре дела отклоняется.

[Читать продолжение](#)

[Читать статью на армянском](#)

Автор: Ашот Абгарян

Перевод: Рубен Мхитарян

Оригинальная статья